

ЛИТОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

Годъ четырнадцатый.

Выходятъ
по
Воскресеньямъ.

25-го Юля 1876 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб.
Отдѣльные NN Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе
годы и за настоящій 1876 г. по 20 коп. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редак-
ціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 30.

При печатаніи объявленій, за каждую строку
или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Правительственныя Распоряженія.

— Ихъ Императорскія Величества, по всеподаннѣйшему докладу г. главноуправляющаго IV отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, основанному на ходатайствѣ г. Виленскаго генералъ-губернатора и попечителя Виленской, Ковенской и Гродненской женскихъ гимназій, въ 15 день минувшаго мая, Высочайше повелѣть соизволили открыть, съ 1-го августа 1876 года, параллельныя отдѣленія въ Виленской женской гимназій при III, IV, V и VI классахъ.

Довода объ этомъ до свѣдѣнія родителей, начальникъ гимназій присовокупляетъ, что, съ разрѣшенія его высокопревосходительства г. попечителя, по случаю предстоящихъ передѣлокъ въ помѣщеніи для параллельныхъ отдѣленій классовъ гимназій, приемъ дѣвицъ въ заведеніе и приемныя вновь поступающимъ изъ нихъ испытанія, начнутся съ 24-го будущаго августа мѣсяца и учебныя занятія съ 1 сентября.

Мѣстные Распоряженія.

— 7 Юля утверждены въ должности церковныхъ старостъ, къ Василишской Петро-Павловской церкви, Лидскаго уѣзда, крестьянинъ Лебедевской волости, деревни Бѣшанокъ, *Осипъ Семеновъ Макаревичъ*.

— 11 Юля 1), къ Коптевской церкви, Гродненскаго уѣзда, крестьянинъ дер. Колпаковъ, *Григорій Андреевъ Семчукъ*; 2), къ Вѣльской соборной церкви, крестьянинъ дер. Августова, *Петръ Ивановъ Остапевичъ*.

— 13 юля, къ Груздово-Полочанской церкви, Вилейскаго уѣзда, крестьянинъ дер. Копачъ, *Николай Емельяновъ Сырковаша*, избранный на 3-е трех-лѣтіе.

— Уволены отъ должности и. д. псаломщиковъ: 15 Юля, Мереческой ц., Трокскаго уѣзда, *Викентій Антиспоровичъ*, и 21 Юля, Яглевической ц., Слонимскаго уѣзда *Антонъ Андреевскій*.

— Назначеніе. 21 Юля, вакантное мѣсто и. д. псаломщика при Мотольской ц., Кобринскаго уѣзда, предоставлено послушнику Гродненскаго Борисоглѣбскаго монастыря, *Димитрію Зиневичу*.

— Перемѣщеніе. 23 Юля, на вакантное священническое мѣсто при Дибушской ц., Лидскаго уѣзда, перемѣщенъ священникъ Лебедеской ц., тогоже уѣзда, *Викторъ Плавскій*.

Мѣстные Извѣстія.

Годичный актъ въ Жировицкомъ духовномъ училищѣ съ присовокупленіемъ разряднаго списка.

Въ силу § 89 духовно-училищнаго устава Правленіе Жировицкаго духовнаго училища, въ наличномъ составѣ своихъ членовъ, съ 4 по 18 Юня производило экзамены воспитанниковъ означеннаго училища за истекшій 187⁵/₆ учебный годъ. Каждому изъ пяти классовъ въ училищѣ, на основаніи составленнаго Училищнымъ Правленіемъ и утвержденнаго преосвященнымъ Владиміромъ, Епископомъ Брестскимъ, отъ 21 мая сего года, за № 383, проекта годичнаго испытанія, данъ былъ отдѣльный экзаменъ по всякому предмету духовно-училищнаго курса. Затѣмъ, по соображенію и выводу всѣхъ данныхъ объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ за весь истекшій годъ и оцѣнкѣ ихъ отвѣтовъ на годичномъ экзаменѣ, Правленіе училища, руководствуясь § 41 п. 3 духовно-училищнаго устава и дополнительными къ оному опредѣленіями Св. Синода 9—23 Марта 1868 г. отъ 3—24 Сентября 1869 года и отъ (4 Февраля) 1 Марта 1870 г. составило въ прилагаемомъ при семъ же видѣ разрядной списокъ учениковъ Жировицкаго духовнаго училища.

Такъ какъ, согласно § 92 дух. училищнаго устава, слѣдующіе ученики IV-го класса: Владиміръ Здановичъ, Иванъ Дедевичъ, Петръ Центрицкій, Платонъ Лешкевичъ, Михаилъ Балабушевичъ, Василій Лехачевскій, Арсеній Сапевичъ, Степанъ Демьяновичъ, Платонъ Червяковскій, Антонъ Скабаллановичъ, Николай Балландовичъ, Николай Дружиловскій, Константинъ Желѣзовскій, Адамъ Кречетовичъ, окончили полный училищный курсъ, то правленіе училища полагаетъ, на основаніи упомянутаго § 92 училищнаго устава, выдать установленныя свидѣтельства объ успѣхахъ и поведеніи въ училищѣ. Чтоже касается ученика Никодима Гомолицкаго, то, въ виду того, что онъ въ продолженіи почти всего учебнаго года былъ боленъ, Прав-

леніе полагаетъ оставить его на повторительный курсъ въ томъ же классѣ, не лишая его казеннаго содержанія, каковымъ онъ пользовался.

Затѣмъ, ученикамъ остальныхъ классовъ, оказавшимъ вполне удовлетворительные успѣхи по всемъ предметамъ, на основаніи § 41 п. 1 духовно-училищнаго устава и дополнительныхъ опредѣленій Св. Синода отъ (4 Февраля) 1 Марта 1870 года, правленіе училища объявляетъ безусловный переходъ въ высшіе классы а именно, *III-го класса въ IV-ый* слѣдующимъ ученикамъ: Евстафію Гереминовичу, Николаю Станкевичу, Евстафію Червяковскому, Сумеону Новичу, Θεодору Александровичу, Григорію Гриневичу, Александру Ивацевичу, Николаю Киркевичу, Петру Будзилловичу, Игнатію Вѣгалловичу, Ивану Макаревичу, Виктору Василевскому, Ивану Боровскому. *Изъ II-го класса въ III-й* слѣдующимъ ученикамъ: Владиміру Плиссу, Матію Демьяновичу, Θεодору Паевскому, Степану Огіевичу, Николаю Драгуну, Ивану Мирковичу, Николаю Степанову, Василю Ержииковскому, Александру Шумовичу, Ивану Гереминовичу, Игнатію Лукашевичу, Антону Смородскому, Михаилу Кульчицкому, Якову Гришковскому, Кипріану Лехачевскому, Ивану Кадлубовскому, Анатолю Саковичу, Аванасію Станкевичу, Осипу Новицкому. *Изъ I-го во II-й классъ* слѣдующимъ ученикамъ: Петру Додевичу, Павлу Ивацевичу, Александру Калисскому, Александру Теодоровичу, Александру Зенкевичу, Александру Манькевичу, Константину Ключковскому, Сильвестру Пашкевичу, Θεодосію Михаловскому, I-му, Евгенію Будзилловичу, Александру Пилиховскому, Михаилу Будзилловичу, Θεодосію Михаловскому 2-му, Осипу Будзилловичу, Осипу Литвиновичу, Михаилу Дружиловскому, Михаилу Черняковскому, Герониму Ивановичу. *Изъ приготовительнаго класса въ I-ый* слѣдующимъ ученикамъ: Владиміру Тыминскому, Ивану Юзвюку, Александру Павловичу, Василю Жуковскому, Антону Катаркевичу, Ивану Теодоровичу, Марку Ягановскому, Осипу Ивацевичу, Ивану Ярмолвичу, Ивану Славинскому, Николаю Михаловскому, Павлу Будзилловичу, Гуліану Михаловскому, Григорію Горбачевичу, Андрею Сацевичу, Евстафію Калисскому, Петру Сацевичу, Александру Лешкевичу, Филиппу Цветковскому, Евстафію Данилевичу, Николаю Дружиловскому, Осипу Пигольскому, Евстафію Петровскому, Евгенію Каштанову, Ивану Рафалловичу, Омѣ Валлабушевичу, Омѣ Петровичу, Александру Макаревичу, Ивану Ширинскому.

При этомъ, принимая во вниманіе отличные успѣхи и поведеніе слѣдующихъ учениковъ *IV-го класса*: В. Здановича, И. Дедевича, П. Пентрицкаго; *III-го класса*: Е. Гереминовича, Н. Станкевича, Е. Червяковскаго; *II-го класса*: В. Плисса, М. Демьяновича, Θ. Паевского; *I-го класса*: П. Додевича, П. Ивацевича, А. Калискаго; *приготовительнаго класса*: В. Тыминскаго и И. Юзвюка, на основаніи § 41 п. 5 дух. учил. устава, Правленіе полагаетъ удостоить награды похвальными книгами. Чтоже касается слабѣйшихъ по успѣхамъ учениковъ, то руководствуясь § 41 п. 2 училищнаго устава и положенными для этой цѣли опредѣленіями Св. Синода 21 Августа 1868 года (4 февраля) 1 марта 1870 года, Правленіе постановило: учениковъ *III-го класса*: Михаила Бодѣвскаго, Олимпія Паньковского, Василя Валлабушевича, Илью Плескацевича; *II-го класса*: Алексея Манькевича, Александра Дружиловскаго; *I-го класса*: Игнатія Кончевскаго, Игнатія Валлабушевича, Алексея Пучковскаго, Александра Пахникевича; *приготовительнаго класса*: Михаила Миро-

новича, Никанора Пучковскаго, Осипа Скабаллановича, Николая Новашевскаго, и Александра Ширинскаго, какъ не оказавшихъ удовлетворительныхъ успѣховъ отчасти по малоразвитости, отчасти по недостатку усердія, по нѣсколькимъ сряду предметамъ, оставить въ тѣхъ же классахъ на повторительный курсъ. При этомъ И. Валлабушевича лишить пособія, каковымъ онъ пользовался отъ училища.

Затѣмъ, принимая во вниманіе, что слѣдующіе ученики поучили посредственную отмѣтку (2) по нѣкоторымъ предметамъ, а именно: *III-го класса*.—О. Балландовичъ по латинскому языку, П. Зинѣвичъ по русскому и славянскому языкамъ, *I-го класса*—К. Жиромскій по русскому и славянскому языкамъ, Н. Пучковскій и М. Сосиновскій по латинскому языку, *приготовительнаго класса*—В. Занкевичъ по Закону Божію и русскому языку, Е. Хотимскій по Закону Божію, Правленіе училища, руководствуясь опредѣленіями Св. Синода, отъ 21 Августа 1868 года, положило назначить имъ послѣ каникулъ переэкзаменовку съ тѣмъ, что если они усовершенствуютъ свои познанія по указаннымъ предметамъ, то будутъ переведены въ высшіе классы.—Учениковъ же: *III-го класса*:—К. Желѣзовскаго, и *II-го класса*: М. Мартиновскаго, согласно просьбѣ родителей, уволить изъ училища.

Настоящій актъ и разрядный списокъ утверждены Его преосвященствомъ Владиміромъ, Епископомъ Брестскимъ, отъ 8-го Іюля сего года за № 566.

Разрядный списокъ учениковъ Жировицкаго духовнаго училища за истекшій 187½ учебный годъ.

Классъ IV-ый.

Разрядъ 1. Владиміръ Здановичъ, Иванъ Дедевичъ, Петръ Пентрицкій, Платонъ Лешкевичъ, Михаилъ Валлабушевичъ, Василій Лехачевскій. *Разрядъ 2.* Арсеній Сацевичъ, Степанъ Демьяновичъ, Платонъ Червяковскій, Антонъ Скабаллановичъ, Николай Балландовичъ, Николай Дружиловскій, Константинъ Желѣзовскій, Адамъ Кречетовичъ, Никодимъ Гомолицкій.

Классъ III-й.

Разрядъ 1. Евстафій Гереминовичъ, Николай Станкевичъ, Евстафій Червяковскій, Сумеонъ Новичъ. *Разрядъ 2.* Осипъ Балландовичъ, Θεодоръ Александровичъ, Григорій Гриневичъ, Александръ Ивацевичъ, Николай Киркевичъ, Петръ Будзилловичъ, Игнатій Вѣгалловичъ, Андрей Зинѣвичъ, Иванъ Макаревичъ, Викторъ Василевскій, Иванъ Боровскій, Константинъ Желѣзовскій. *Разрядъ 3.* Михаилъ Бодѣвскій, Олимпій Паньковскій, Василій Валлабушевичъ, Илья Плескацевичъ.

Классъ II-ой.

Разрядъ 1. Владиміръ Плисъ, Матію Демьяновичъ, Θεодоръ Паевскій, Степанъ Огіевичъ, Николай Драгунъ, Иванъ Мирковичъ, Николай Степановъ, Василій Ержииковскій, Александръ Шусковичъ. *Разрядъ 2.* Иванъ Гереминовичъ, Игнатій Лукашевичъ, Антонъ Смородскій, Михаилъ Кульчицкій, Яковъ Гришковскій, Кипріанъ Лехачевскій, Иванъ Кадлубовскій, Анатолий Саковичъ, Аванасі-

сій Станкевичъ, Осипъ Новицкій. *Разрядъ 3.* Алексѣй Манькевичъ, Александръ Дружиловскій, Михайлъ Мартиновскій, Евстафій Будзиловичъ.

Классъ 1-ый.

Разрядъ 1. Петръ Додевичъ, Павелъ Ивацевичъ, Александръ Калискій, Александръ Теодоровичъ. Александръ Занкевичъ, Александръ Манькевичъ. *Разрядъ 2.* Константинъ Клочковскій, Сильвестръ Пашкевичъ, Θεодосій Михаловскій 1-ый, Евгений Будзилловичъ, Константинъ Жиромскій, Александръ Пилиховскій, Михайлъ Будзилловичъ, Θεодосій Михаловскій 2-ой, Осипъ Будзилловичъ, Осипъ Литвиновичъ, Митрофанъ Сосиновскій, Михайлъ Дружиловскій, Михайлъ Черняковскій, Геронимъ Ивановичъ, Николай Пучковскій. *Разрядъ 3.* Игнатій Калискій, Игнатій Баллабушевичъ, Алексѣй Пучковскій, Александръ Пахникевичъ.

Классъ приготовительный.

Разрядъ 1. Владиміръ Тыминскій, Иванъ Юзьвюкъ, Александръ Павловичъ, Василій Жуковскій, Василій Василевскій, Антонъ Катаркевичъ, Иванъ Теодоровичъ, Маркъ Ягановскій, Осипъ Ивацевичъ, Иванъ Ярмолевичъ. *Разрядъ 2.* Иванъ Славинскій, Николай Михаловскій, Павелъ Будзилловичъ, Гуліанъ Михаловскій, Григорій Горбацевичъ, Андрей Сацевичъ, Евстафій Калискій, Петръ Сацевичъ, Александръ Лешкевичъ, Филиппъ Центковскій, Евстафій Данилевичъ, Николай Дружиловскій, Осипъ Пигольскій, Евстафій Петровскій, Евгений Каштановъ, Иванъ Рафалловичъ, Оома Баллабушевичъ, Оома Петровичъ, Артемій Бульчицкій, Евлампій Хотимскій, Александръ Макаревичъ, Иванъ Шириискій, Владиміръ Занкевичъ. *Разрядъ 3.* Михайлъ Мироновичъ, Никаноръ Пучковскій, Осипъ Скабалдановичъ, Николай Новашевскій, Александръ Шириискій.

— **Пожертвованіе.** Протоіерей Пружанской Александровской соборной церкви, Андрей Червяковскій пожертвовалъ въ приписную къ Пружанской Христорожественной Добучинскую Успенскую церковь, изъ своей бібліотеки, мѣсячныя минеи (въ 12 книгахъ), въ кожаномъ переплетѣ, въ золотомъ обрѣзѣ, на сумму 36 руб.

— **Вакансіи—Настоятеля—**въ *Лебедахъ*—Лидскаго уѣзда. **Помощниковъ настоятелей:** въ сс. *Стялль* и *Зассирт*,—Свенцянскаго уѣзда. **Псаломщиковъ:** въ г. *Кобринь*—при Петро-Павловской церкви, въ м. *Онникинтахъ*—Вилкомирскаго уѣзда, въ с. *Василишкахъ*—Лидскаго уѣзда, въ сс. *Голубичахъ* и *Ново-шарковщинахъ*—Дисненскаго уѣзда, въ м. *Куремитъ*—Вилойскаго уѣзда, въ *Ялловичахъ*—Слонимскаго уѣзда и въ *Меречъ*—Троискаго уѣзда.

Неофициальный Отдѣлъ.

Очеркъ исторіи Польскаго проповѣдничества до половины XVIII в.

(Окончаніе).

Проповѣдники тогдашніе, какъ и все писатели, отдавали дань генію своего вѣка. Они крѣпко ратовали противъ иновѣрцевъ, отводя католиковъ отъ общенія съ ними. Говорили въ духѣ своего вѣка, отечественнымъ языкомъ, хотя въ слогѣ были варварами. Нѣкоторую степень преувеличенностей, какая допускалась въ тогдашнихъ проповѣдяхъ нужно считать не столько за обыкновенный недостатокъ, сколько за уносящуюся силу лиризма и сердечное изліяніе патріотическаго чувства. Не придерживаясь никакого опредѣленнаго метода, никакой школы ораторскаго искусства, проповѣдники тогдашніе слѣпо подчинялись движенію чувства. Какъ и въ вѣкѣ св. Августина, ввели воображеніе въ богословіе, краснорѣчіе и даже чувствительность въ схоластику. Усвоили себѣ тотъ языкъ, ту свободу и популярность слога, какія господствовали въ тогдашней поэзіи, исторіи и во всехъ вообще родахъ письменности. Въ поэмахъ Самуила Твардовскаго, расцвѣтахъ пѣвца Войны Хотинской, и въ надгробныхъ проповѣдяхъ Бирковскаго, одинъ слогъ и языкъ. Поэтому нисколько не должна поражать читателя, знакомаго съ домашнимъ бытомъ тогдашней Польши, эта тривиальность въ устахъ проповѣдниковъ, это частое соединеніе комизма съ важнымъ настроеніемъ. Напрасно было бы искать у нихъ правильнаго теченія мысли, твердаго и систематическаго разсужденія, мѣры и трезвости, основанной на указаніи правилъ, важности и хорошаго вкуса. Шутке, юморъ, иронію, сатиру, со всею свободою народной фантазіи, со всеми бездѣлицами, повѣстями, они перенесли изъ домашней жизни на церковную кафедру. Какъ ни легкомысленны были они въ этомъ отношеніи, они не думали этой свободой рѣчи оскорблять священные предметы; сатира, анекдотъ, веселая шутка не служили имъ цѣлью, а только средствомъ, ведущимъ къ цѣли.

Такой стиль господствовалъ еще въ XV столѣтіи на французской проповѣднической кафедрѣ и сдѣлался общепотребительнымъ въ XVII ст. Менотъ, славный въ свое время французскій проповѣдникъ, говоря о лести, привелъ слушателямъ слѣдующую басню о лисицѣ:

„Обезьяны дѣлали совѣщанія въ великомъ засѣданіи. Приходитъ старшій орангутанъ. Что же это, — говорятъ они ему, — ты обходишь насъ, не отдавая надлежащаго почтенія? Тотъ презрѣлъ ничтожный сбродъ и не хотѣлъ отдать имъ поклона. Схватили его обезьяны, повалили на землю и въ наказаніе отрубили хвостъ. Приходитъ потомъ лисица „О! что за счастье, говоритъ, какая честь приблизиться къ такому собранію!“ За то придрѣлали ей хвостъ и попросили на угощеніе. Счастливы лстецы! Не правда ли? Развѣ не также дѣлается между нами“.

Нѣтъ нужды объяснять, сколько правды и драматизма заключаетъ въ себѣ эта басенка, и насколько удачно соединены здѣсь сатира и мораль. Не долго, однако, проповѣдникъ забавляется своею шуткой, сейчасъ принимаетъ важность пастыря и обличителя и, изъ полноты сердца изъ-

ливааетъ горечь правды: „Смотрите, какъ это люди злоупотребляютъ дарами Божиими“.

На подобную дорогу ступали польскіе проповѣдники въ XVII в.

Догматическія толкованія, раборъ евангелій, объясненія отдѣльных (отрывочныхъ) текстовъ представляли обыкновенно смѣшеніе предметовъ свѣтскихъ съ религіозными, важныхъ съ забавными, гдѣ выраженія переносныя, аллегоріи натянуты, и, если разбиралось коротенькое словцо, представляли обширные выводы и давали поводъ говорить обовсемъ. Поэтому проповѣди въ своей цѣлости, не представляютъ одной опредѣленной мысли. Но нѣкоторыя, отдѣльно взятая, мысли, не рѣдко имѣютъ глубокое нравственное значеніе, когда проповѣдникъ отступалъ въ нихъ на поле практическихъ изслѣдованій и очнувшіеся отъ моментальнаго забвѣнія умы вель къ самососредоточенію и религіозному размышленію.

Въ погребальномъ словѣ на смерть Сигизмунда III, который имѣлъ въ своемъ гербѣ снопики, проповѣдникъ говорить, что Польша есть обширное поле, на которомъ вѣвжуютъ снопы, и между этими снопами есть одинъ, который всталъ и которому, какъ во снѣ Іосифовомъ, кланяются другіе снопы. Въ этомъ снѣ, говорить, *Іосифъ сыгралъ роль въ польскомъ духѣ.*

Равнымъ образомъ одинъ изъ проповѣдниковъ на погребеніи Вацлава Радомицкаго доказывалъ, что поле на гербѣ Радомицкихъ есть поле избранія, на которомъ умершій выступилъ какъ кандидатъ на небесную корону. Приводитъ потомъ разные голоса присутствующихъ на сеймѣ, утверждаетъ соглашеніе и въ концѣ концовъ, признавъ за кандидатомъ небесное царство, поетъ торжественное *Te Deum*.

Въ рѣчи, говоренной по поводу избранія на престолъ Владислава IV, Іезуитъ Ольшевскій называетъ Бога Отца *примасомъ юрнго неба*, который *публиковалъ новаго царя земли*, Христа (какъ бы на подобномъ же избраніи).

Подъ такими чудовищными фигурами и сравненіями всегда почти, однако, скрывалось какое нибудь полезное ученіе, — колкая ли сатира, или какая нибудь важная мысль, заключающаяся подъ покровомъ аллегоріи, анекдота, или легенды. Въ писатели этого времени, имѣли обыкновение скрывать свою мысль подъ необычайными и чудовищными формами. Но какъ въ тогдашней поэзіи сатира была нравственной силою, такъ и въ проповѣди она сдѣлалась обыкновеннымъ и всеобщимъ оружіемъ. Въ поученіяхъ къ простому народу достаточно было простыхъ сравненій, анекдотовъ и басенокъ, въ которыхъ проповѣдникъ несколько не щадилъ современныхъ недостатковъ. Труднѣе было обращаться съ словомъ къ шляхтѣ и вельможамъ, противъ которыхъ не всегда удобно было выступать съ этимъ оружіемъ. Объ этихъ символахъ, аллегоріяхъ и басняхъ въ проповѣдяхъ нужно судить съ осторожностію и не все считать за признаки дурнаго и испорченнаго вкуса. Польская шляхта была полна тщеславія, дерзка и многомошна. Привиллегіи свои, такъ свободно заявляемыя на сеймахъ, она желала охранять также и въ судейской палатѣ и въ церкви. Проповѣдникъ, говоря подъ ея вліяніемъ, долженъ былъ имѣть въ виду, — заслонять часто правду блескомъ свѣтской учтивости и виѣшней красоты, играть воображеніемъ и приносиваться къ тому веселому расположенію духа, которое господствовало въ тогдашнемъ обществѣ. Отсюда, тотъ романтизмъ, изъ обыкновенной жизни перенесенный на церковную кафедру, та фантастичность, та пронія, изливающаяся въ различныхъ поговоркахъ, анекдотахъ и веселыхъ шуткахъ,

какими забавлялась шляхта въ домашней и даже общественной жизни, но изъ подъ которыхъ нерѣдко въ устахъ проповѣдника проглядывала очень колкая сатира, ѣдкое, язвительное слово. Въ одномъ изъ надгробныхъ поученій проповѣдникъ Ольшевскій сравниваетъ польское королевство съ ковчегомъ Ноя, въ которомъ находились различныя животныя, такъ же какъ и въ Польшѣ есть между шляхтою Козловскіе, Барановскіе, Скоповскіе, Телковскіе, Туровскіе, Лосевскіе. И какъ Ной въ своемъ кораблѣ былъ царемъ надъ главнѣйшими животными, такъ и король польскій, царствуя надъ этимъ шляхетскимъ звѣринцемъ, есть король королей, *rex regum*, и т. д.

Въ другой рѣчи избраніе польскихъ королей онъ представляетъ подъ слѣдующимъ подобіемъ:

„Поляки суть настоящія индійскія птицы, на подобіе нашихъ чаекъ, которыя летятъ только за тою изъ своей породы, которой послѣ долгихъ между собою соглашеній завьютъ хохлики на головѣ. Радуйтесь, господа коронные и литвины, этой вольности, крѣпко держите всѣ привиллегіи, ту же, которая служитъ источникомъ для другихъ, въ особенности! Но жаль, говорить онъ далѣе, что на этихъ сеймахъ и выборахъ часто отзываются другія птицы, и то не съ роднаго поля, а изъ-за хорошаго угощенія, — часто кричатъ перепелки, куропатки, фазаны и т. д.“

Кѣреницкій въ проповѣди на тему: *Ключи къ сердечному сокровищу*, такъ говорить о несчастіяхъ поражающихъ отдѣльныя части Польши: „Дайже, Господи, чтобы не снились никому тѣ эгоисты, которые заботятся только о частномъ благѣ, объ охраненіи записей, либертацій, а не радѣютъ о благѣ общественномъ. Вунтъ въ Польшѣ, — ничего это! говорятъ они, — потому что въ Литвѣ спокойно. Стонуть отъ притѣсненій русскіе края, — и то ничего, потому что они далеко. Нестроеніе въ ближайшихъ воеводствахъ, земляхъ, городахъ, селахъ, — еще ничего, потому что не у насъ. Эй! не такъ, не такъ! Въ одной провинціи неспокойствіе, уже не вся Польша спокойна. Въ одной провинціи несчастье, уже не всѣ счастливы. Одно семейство, одинъ домъ унижены, уничтожены, уже не со всѣми благополучно. Шутили въ густомъ бору деревья, когда поднялся огонь въ травѣ и плевелахъ. Хорошо! такъ! чтожь намъ до этой дряни? Бросился огонь на хворостъ и кусты. И это пустяки! достаточно есть этой мелочи. Упала искра между сосенъ и елей. И то ничего, — онъ черезчуръ уже дородны и жирны. Наконецъ сильный пожаръ обнялъ кедры, кипарисы, дубы, тополи, ясени, — ничего не щадилъ. Теперь худо! превратились шутки въ вопль, смѣхъ въ плачь, гордое высокомеріе разлетѣлось въ прахъ. *Unius amissio totum dissipat* (пренебреженіе частію разстраиваетъ цѣлое)“.

Рѣдко проповѣдникъ отваживался суровымъ тономъ и открыто высказать истину, хоти и въ этомъ достоинствѣ нельзя всецѣло отказать тогдашней проповѣднической каедрѣ. Не исключительно выступали на ней Бѣлицкіе, Міяковскіе, Кѣреницкіе, Ковалицкіе, извѣстные своими причудливыми проповѣдями. Обокъ ихъ въ этомъ періодѣ можно указать и на такихъ проповѣдниковъ, которые, возвышаясь образованіемъ и авторитетомъ надъ прочими, могли дѣйствовать на сердца слушателей достойнымъ церковнаго проповѣдника ученіемъ, каковы напр., Млодзяновскій и Андрей Кохановскій, которые, за исключеніемъ нѣкоторыхъ слабостей и недостатковъ, могли бы быть причислены къ лучшей эпохѣ проповѣдническаго краснорѣчія въ Польшѣ.

Возьмемъ для примѣра, какъ одинъ изъ только что упомянутыхъ проповѣдниковъ, Андрей Кохановскій говоритъ шляхтѣ въ рѣчи на погребеніи Николая Корицинскаго, кастеляна бецкаго, въ которой, остановившись на нѣкоторое время на знатности рода и клейнотахъ шляхетства, обрывается вдругъ съ этой апофеозы всеъ назначенныя почести, представляя ихъ суетностью и ничего не стоящимъ цвѣткомъ, который выветъ съ плевелами подѣбаетъ коса смерти.

„Ясно вельможные, вельможные, милостивые господа и господа! Незабываетесь передъ смертію ни о чемъ. Не потому будьте безпечны, что вы окружили себя гербовными рыцарями, стѣнами, львами, барсами, рѣками, топорами. Тѣ самыя гербовныя клейноты ваши смерть употребляетъ на вашу погибель: вашими топорами васъ подѣбаетъ, на вашихъ ладьяхъ, не прося перевоза у Харонта, къ порту вѣчности васъ провозитъ, вашими ключами гробы вамъ отворяетъ, вашими Львамъ, Барсамъ, Медвѣдямъ, какъ извѣстнаго пророка Данила, на пожраніе васъ отдаетъ“.

Послѣ такого разочарованія въ земномъ могуществѣ и величіи, удобнѣе уже проповѣднику высказать болѣе острую и обличительную истину, и онъ продолжаетъ.

„Человѣкъ при жизни можетъ казаться инымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ: волкъ можетъ ходить въ овечьей кожѣ; воронъ, покрытый снѣгомъ, можетъ казаться бѣлымъ; раздвоенное или, лучше сказать, разорванное страстями сердце, можетъ казаться людямъ цѣлымъ. Но когда смерть каснется его (человѣка), все выйдетъ наружу“.

Были проповѣдники, направившіе свои обличенія и на политическія стороны, какъ напр., Ольшевскій; въ проповѣди подъ заглавіемъ „Sporek“ смѣло порицая государственный беспорядокъ, неповиновеніе законамъ и королю, онъ направляетъ свою рѣчь противъ повторявшагося тогда положенія: *Польша стоитъ нестроеніемъ*.

„Въ самомъ ли дѣлѣ Польша стоитъ нестроеніемъ т. е. вавилонскимъ смѣшеніемъ? Нисколько! Въ Польшѣ есть плебеи, есть шляхта, есть воины; надъ ними есть сенаторы, акстеляны, воеводы, епископы,—а надъ всеми глава король, владыка, подъ которымъ прекрасный распорядокъ веѣхъ низвай. Поэтому замѣнимъ выше сказанное положеніе слѣдующимъ: *Польша стоитъ порядкомъ*. Ибо если нестроеніемъ стоитъ, нестроеніемъ и погибнетъ“.

Зелѣвичъ реформаторъ въ проповѣди подъ заглавіемъ: „*Будильникъ блаженной памяти Николая Зембржидовскаго*“, такимъ образомъ дѣлаетъ нареканіе на упадокъ вѣры и порчу нравовъ XVII в.: „Лучше было въ тѣ времена въ Польшѣ, когда поляки жили старопольскими обычаями, когда занимались марсовымъ полемъ и новою политикою не оскорбляли неба,—когда не покупали павлиньихъ хвостовъ, не строили вавилонскихъ башенъ и итальянскихъ дворцовъ, но основывали замки и города,—когда избыткомъ не плевали въ небо, когда не штурмовали своего юпитера, въ намѣреніи совлечь его съ неба и снять съ него корону,—когда старопольская рука вынимала свою саблю при чтеніи св. евангелія на литургіи, въ знакъ вѣчной пріязни съ Богомъ и небомъ и готовности на защиту древней католической вѣры. О! какой прекрасный блескъ свой почти небесный имѣли тогда дорогія камни и перлы польской короны! Но когда новые польскіе политики, по новому строю привязывая свои сабли къ боку, начали обращать ихъ остриемъ къ небу, когда новыми вѣрованіями, ересями, ядовитыми для cadaго царства ящерицами, подрывающими материнскую жизнь (что извѣдала ты этими временами отчизна наша),

начали оскорблять небо, когда эти сабли начали остриемъ скорѣе на церковныя имущества, чѣмъ на непріятельскія шей: потеряла рука свою силу, утратила сабля свой блескъ и прекрасный румянецъ непріятельской крови и, покрытая ржавчиной, начала стыдить руки своихъ женоподобныхъ обладателей и ихъ нѣжные бока. Простите, если я васъ спрошу: кто вложилъ полякамъ такіа трусливыя сердца? Роскошь—причина извѣженности и упадка польскаго мужества. Она превратила орленка храбраго орла въ коршуна, рыцаря въ пастуха, дворянство почти въ купечество, она стала причиною того, что защищаютъ цѣлость отечества не саблею а крикомъ; на сеймахъ и сеймикахъ все дѣло—гладко и долго говорить о благѣ Рѣчи Посполитой, а не подавать искренній и скорый совѣтъ“ и т. д.

При открытіи политическихъ собраній, проповѣдники бывали первыми представителями общественнаго мнѣнія, или по крайней мѣрѣ много вліяли на него. Съ большимъ вниманіемъ присутствовавшіе прислушивались къ ихъ рѣчамъ, потому что отъ рѣчи получали обыкновенно свою силу сеймиковыя мнѣнія, и послѣ рѣчи можно было знать какая сторона восторжествуетъ и какая потерпитъ неудачу. Успѣхъ проповѣдника много зависѣлъ здѣсь отъ популярности изложенія рѣчи, и объ этомъ онъ наиболѣе старался.

Памятники проповѣди этой эпохи имѣютъ еще исключительное достоинство по отношенію къ исторіи, образцамъ домашней и общественной жизни и весьма интересной и любимой въ эти времена символикѣ.

Господствующимъ на проповѣднической каеедрѣ языкомъ былъ—польскій. Только полемика, старавшаяся вліять на высшія сферы общества, употребляла еще въ значительной степени латынь. Сигизмундъ III установилъ по городамъ проповѣди на нѣмецкомъ языкѣ, по уваженію къ чужеземному населенію, въ особенности къ поселенцамъ, издавна управлявшимся магдебургскимъ правомъ. Обращеніе иновѣрцевъ было главною цѣлю такихъ установленій. Равнымъ образомъ и инославныя исповѣданія заботились объ удержаніи своего языка въ своихъ церковныхъ собраніяхъ, хотя государственныя постановленія, въ особенности Варшавскія конференціи 1632, 1648 и 1674, ограничивали свободу диссидентовъ, запрещая имъ публичныя проповѣди по городскимъ дворамъ и домамъ. Иезуиты также продолжали держать по разнымъ мѣстамъ своихъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ. Однако, вообще говоря, употребленіе нѣмецкаго языка на церковной каеедрѣ, довольно еще широкое въ XVI в. въ эту эпоху значительно упало.

Почти всеъ проповѣди отъ временъ Владислава IV, Яна Казимира и даже Михаила и Яна Собѣскаго заключаютъ въ себѣ еще довольно чистый польскій языкъ. Только въ XVIII столѣтіи, особенно при Сасахъ (короляхъ Саксонской династіи), вошли въ нихъ употреблявшіяся въ это время иностранныя слова. Дольше, однако, сохранялся отъ порчи польскій языкъ на каеедрѣ церковной, чѣмъ свѣтской,—у проповѣдниковъ протестантскихъ, чѣмъ католическихъ.

Е. Михайловскій.

Панихида по Н. А. Кирѣевѣ.

— 14 іюля, въ Казанскомъ соборѣ, въ Петербургѣ, отслужена была, по почину Петербургскаго отдѣла славянскаго благотворительнаго комитета, панихида по Н. А.

Кирѣевъ, павшемъ, 6 іюля, въ сраженіи съ турками, при Раковицѣ.

Между присутствовавшими на панихидѣ ходило по рукамъ и читалось съ большимъ интересомъ слѣдующее письмо Е. В. Богдановича къ брату покойнаго, Александру Алексѣевичу Кирѣеву:

„Роковое извѣстіе принесъ намъ телеграфъ съ браннаго поля, гдѣ за святое дѣло льется славянская кровь: вашъ братъ Николай палъ за вѣру и братьевъ, сраженный пулею нечестивыхъ.

„Я не принадлежалъ къ кругу самыхъ близкихъ знакомыхъ вашего покойнаго брата; но я зналъ его и всегда чтл въ немъ неустаннаго рачителя славянскаго дѣла. Честному кресту и славянской братьѣ посвящалъ онъ свои симпатіи и свои лучшія увлеченія; за честный же крестъ и славянскую братью отдалъ онъ и жизнь свою.

„Ваша скорбь—скорбь всей славянской семьи. Но и слава убиеннаго брата вашего есть достоиніе всей славянской семьи и болѣе всего—достоиніе старшаго члена этой семьи—Россіи.

„Кровью подвижниковъ и мучениковъ, къ сонму которыхъ причисленъ нынѣ покойный Николай Алексѣевичъ, сплотилась русская народность, выросшая и сложившаяся въ борьбѣ съ нечестивыми. Замонголами поборола она и крымскихъ магометанъ, и сибирскихъ шамановъ; могучею рукою ея ограждена и сосѣдняя австрійская монархія отъ своего исконнаго страха передъ турками; на всемъ протяженіи Кавказа еще только засыхаетъ русская кровь, пролитая въ бою съ нечестивыми... Стоя на рубежѣ Европы, Россія цѣлое тысячелѣтіе борется противъ враговъ святаго креста. Многое уже сдѣлано; остается послѣдній шагъ, послѣдній подвигъ: поборотъ нечестивыхъ угнетателей нашихъ южнославянскихъ братьевъ, очистить отъ нихъ христіанскую почву Европы—таково вѣковое историческое призваніе Россіи, какъ передоваго бойца христіанства! Милліоны русскихъ уже пали за это святое призваніе; послѣднимъ изъ этихъ мучениковъ за честный животворящій крестъ палъ оплакиваемый вами братъ, Николай Алексѣевичъ. Скорбь ваша понятна и хорошо знакома мнѣ, потерявшему двухъ родныхъ братьевъ въ Севастополѣ и третьяго на Кавказѣ. Своєю кровью покойный боецъ за славянское дѣло записалъ нынѣ свое имя на ряду съ сонмомъ павшихъ за вѣру русскихъ героевъ.

„Вся славянская семья, единая въ своей твердой вѣрѣ православному Богу, чтитъ доблестную память всѣхъ павшихъ за нашу святую вѣру, когда, встрѣчая особымъ молитвословіемъ каждый наступающій новый годъ молится во всѣхъ православныхъ храмахъ о ниспосланіи окончательной побѣды христіанства надъ мусульманскимъ нечестіемъ. Вотъ буквальный текстъ этой глубоко-національной славянской молитвы, возглашаемой діакономъ въ новый годъ, во время божественной литургіи:

„Еже искоренити и угасити все богохульное агарянское нечестіе, и царство ихъ скоро разрушити и правосырымъ предати, молимтися, всеильный Господи, услыши и помилуй“.

„Выражая вновь мое глубокое сочувствіе къ вашей скорби, пользуюсь случаемъ засвидѣтельствовать вамъ мое сердечное уваженіе и преданность.

Е. Богдановичъ“.

Отъ С.-Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Благотворительнаго Комитета.

Уже скоро годъ, какъ въ горахъ Герцеговины и Босніи, полувооруженные и часто совѣмъ голодные отряды возставшихъ съ отчаяніемъ христіанъ богатырски сопротивляются всѣмъ усиліямъ турецкаго регулярнаго войска покорить ихъ. Скоро годъ, какъ покинувшія родину ихъ семейства, питаются, между прочимъ, и тѣмъ, что доставляется имъ изъ Россіи, только что не умираютъ съ голоду, а многіе уже и умерли, такъ какъ приношеній на всѣхъ не хватало! Между тѣмъ, вернуться домой, упробивъ своихъ возставшихъ отцовъ, мужей или братьевъ довѣриться обѣщаніямъ турокъ—значило бы добровольно пойти на вѣрную смерть. Тѣ, которые позволили себя обольстить и вернулись,—всѣ попали на висѣлицу, подъ топоръ или на колъ. Митрополитъ Сербскій уже повѣдалъ русскому народу о томъ, какъ звѣрски обращаются Турки съ подневольными имъ христіанами. Но по послѣднимъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, ихъ звѣрство дошло до степени, еще болѣе неимовѣрной! Турки озлоблены тѣмъ, что возстаніе не прекращается, а напротивъ, заносится изъ области въ область, и не хотятъ или не умѣютъ понять, что оно и не можетъ прекратиться, пока они остаются все тѣми же вѣроломными ненавистниками христіанъ. Неспособные совладать съ христіанами въ честномъ открытомъ бою, они вторгаются въ мирныя христіанскія села, выжигаютъ до тла и жилища, и воздѣланныя христіанскимъ трудомъ поля, продаютъ христіанскихъ дочерей и женъ въ гаремы развратныхъ магометанъ, а стариковъ и дѣтей ввергаютъ въ огонь или распарываютъ имъ животъ. Такъ поступаютъ они теперь въ Болгаріи, куда не могла не залетѣть искра отъ возстанія въ Герцеговинѣ и Босніи, и тѣмъ самымъ вынуждаютъ возтаты тамъ уже всѣхъ и каждаго. Шайки переселившихся къ туркамъ черкесовъ и не менѣ дикая турецкая вольница, носящая названіе башибузукъ, бросились съ огнемъ и мечомъ по селамъ болгарскихъ селъ,—и отъ нихъ остались теперь только груды пепла и обезображенныхъ, безъ погребенія разлагающихся труповъ. До шестидесяти тысячъ мирныхъ жителей въ короткое время преданы самымъ ужаснѣйшимъ видамъ смерти и кровь ихъ напрасну вопіетъ къ турецкому правосудію, ни мало не смущающемуся заступничествомъ за христіанъ долготерпѣливой Европы. Ужасающій видъ этихъ труповъ и этихъ развалинъ вызываетъ невольное бѣгство въ уцѣлѣвшемъ населеніи, оставшемся, въ полномъ смыслѣ слова, безъ крова и безъ куска хлѣба. Русскіе люди не мало уже послали своимъ бездомнымъ единовѣрцамъ—единоплеменникамъ изъ Герцеговины и Босніи, но да не устаеъ ихъ дающая рука, да রাখнется ихъ сердце и для припавшихъ къ нему Болгаръ. Въ былое, далекое время, Болгарія, раньше насъ огласившаяся христіанскою проповѣдью Славянскихъ первоучителей, питала насъ хлѣбомъ духовнымъ, доставляя намъ произведенія своей христіанской письменности. Мы едва ли расплатились съ нею за это просвѣтительное вліяніе тѣми приношеніями, какія современіи постигшаго ее магометанскаго ига привыкли мы посылать въ ея обѣднѣвшіе храмы, а затѣмъ и въ ея убогія школы. Не должно забывать и о томъ, что и самимъ въ былое время пришлось выносить продолжительное иго невѣрныхъ. Но татары въ XIII, XIV и XV вѣкахъ не доходили до того, до чего въ наше время, на глазахъ у просвѣщенной Европы, доходятъ турки. Западъ

въ ту пору не поспѣшилъ на выручку нашей Руси, испу-
чительно для него принявшей на себя одну всѣ удары
азіатской орды. О крестовыхъ походахъ не думали болѣе
и тогда, когда новые варвары, турки, поработили право-
славныхъ славянъ и, водворившись въ столицѣ Царя Кон-
стантина, замѣнили на храмъ Святой Софіи нашъ христіан-
скій крестъ магометанскою луной. Земля русская только что
раздѣлялась въ то время съ татарами. Съ тѣхъ поръ
какъ ей удалось, наконецъ, сломить ихъ ярмо, взоры по-
рабощенныхъ турецкихъ славянъ съ упованіемъ устремились
къ ней. И по мѣрѣ того, какъ все крѣпла и крѣпла Россія,
она все болѣе и болѣе сознавала за собою обязанность за-
ступаться за христіанъ на востокъ, никогда не встрѣчая
въ этомъ усердной поддержки на западѣ, который, напро-
тивъ, постоянно подозрѣвалъ тутъ съ ея стороны какія-то
свокорыстныя цѣли. За эти-то ложныя подозрѣнія наивъ
и пришлось, наконецъ, заплатить мученическимъ вѣнцомъ
Севастополя. Но въ настоящее время и тѣ, кто особенно
усердно защищали всегда турокъ, какъ невинныхъ, будто-
бы, жертвъ нашихъ придирокъ и нашихъ клеветъ, — и сами
англичане, наконецъ, повѣствуютъ открыто въ своей свобод-
ной печати о неслыханномъ варварствѣ турокъ и невыно-
симомъ положеніи христіанъ...

При видѣ гоненій, разразившихся, наконецъ, и надъ
Болгаріей и напомнившихъ времена древнихъ христіанскихъ
мучениковъ, и Сербскій князь Миланъ и Черногорскій князь
Николай не были въ состояніи долѣе сдерживать свое серд-
це и выступили съ войсками на помощь своимъ гонимымъ
единоплеменникамъ и единовѣрцамъ. Люди русскіе, да не
усякнетъ ваша помогающая рука! Бѣдный, уже давній свою
трудовую копѣйку, по опыту зная, что значить нужда,
пусть ее дастъ опять и опять: одна копѣйка не разоритъ,
а изъ мірскихъ копѣекъ собираются тысячи, даже десятки
и сотни тысячъ рублей. Богачъ, уже давній и давній
щедро, пускай дастъ еще и еще отъ своего неизсякающаго
избытка. Богачъ, еще ничего не давній, потому что дать
много жаль, а дать мало совѣстно, пусть не совѣстится
дать хоть бездѣлицу, но пусть только дастъ! Люди темные,
не знающіе толкомъ этихъ Болгаръ, какъ не знали Гер-
цеговинцевъ и Босняковъ, но слышавшіе о христіанахъ,
томящихся въ Турціи, пусть даютъ Христа ради свою
„милостыню спасенную“. Люди образованные, но при всемъ
томъ, еще малознакомые со славянами вообще и турецкими
въ частности, пусть поскорѣе пополняютъ въ запасъ своихъ
познаній этотъ позорный пробѣлъ! Пора, наконецъ, не до-
зволить себѣ оболщать Европейскими баснями о славянахъ,
которые будто-бы, до того отупѣли, что даже немного и
чувствуютъ, когда ихъ кидаютъ въ огонь или сажаютъ на
колъ! Пора, доучившись, хоть поздно, вразумить и дру-
гихъ, что славянское дѣло — святое и разумное дѣло, на
которое стоитъ жертвовать. Люди, горячо вѣрующіе въ
Бога, пусть даютъ ради Его святыхъ словъ, что всѣ оди-
наково Его дѣти и между собою братья. Люди, непре-
станно толкующіе о человѣчествѣ, его преуспѣяніи, о бла-
гихъ плодахъ образованности, пусть поймутъ, наконецъ,
что все это лишь слава, если можно равнодушно сносить
то, что дѣлается теперь на востокѣ. Если Западъ фарисей-
ски суетъ на видъ эти выпрепнія слова и въ тоже время,
на дѣлѣ пропитанный себялюбіемъ, преспокойно ихъ пони-
раетъ ногами, то пусть же ихъ снова подыметъ мы; — млад-
шіе въ европейской семьѣ пусть спасутъ ея образованность
отъ позора и поруганія. Люди русскіе, не теряйте времени!

Проникнитесь всѣ однимъ чувствомъ, одною мыслію, жерт-
вуйте, кто сколько можетъ и хочетъ, только жертвуйте
всѣ и каждый.

Приношенія какъ деньгами, такъ и вещами, коршею и
т. п. принимаются каждодневно отъ 11-ти до 5-ти часовъ
у Чернышева моста, въ домѣ, гдѣ 6-я Гимназія, въ по-
мѣщеніи Географическаго Общества.

Поученіе къ простому народу.

*Блаженъ человекъ, иже и скотыя
милуетъ.*

Стало-быть, братія, тотъ не блаженъ, кто не милуетъ
скотовъ или вообще животныхъ? Какъ-же мало, значить,
между нами блаженныхъ?... Не много нужно пожить съ вами,
бр., чтобы видѣть всю безжалостность и жестокость вашу къ
животнымъ. Сами вы знаете, что домашняя скотина — глав-
ное достояніе ваше, а потому, по-настоящему, и первую за-
ботою вашею должно-бы быть всевозможное попеченіе о жи-
вотахъ вашихъ, какъ вы называете рабочій свой скотъ, вы-
же между тѣмъ поступаете напротивъ. Животныя, которыя
больше другихъ вамъ служатъ и приносятъ пользы, эти
животныя подвергаются и большому отъ васъ истязанію.
Говорю о бѣдныхъ лошадяхъ. И осень и зиму, и весну и
лѣто бѣдное животное не выходитъ изъ-подъ ярма, и въ зной
и холодъ, днемъ и ночью одинаково оно служитъ вамъ, а
все-таки никакъ не заслужить у васъ себѣ снисхожденія и
милости. Напротивъ, кажется, чѣмъ больше и тяжелѣе ра-
бота для лошади, тѣмъ немилосерднѣе вы къ ней относитесь.
И какъ примирить такія явленія: то вы безутѣшно горюет
и ломаете себѣ руки, когда падаетъ у васъ скотина, то вы
приберете по себѣ бичей и кнутовъ, чтобы излить на ней
всю ярость и неистовый гнѣвъ свой? Разберемъ основательно:
справедливъ-ли хозяинъ предъ животнымъ, когда его бьетъ,
терзаетъ и мучитъ.

Животное не служитъ хозяину, какъ-бы хотѣлось ему,
или потому, что оно бываетъ не накормлено и оттого мало-
сильно, или потому, что работа ему не подъ силу. Возьми
ты, хозяинъ, въ примѣръ себя самого, когда ты голоденъ,
и утолить голодъ не имѣешь возможности, а между-тѣмъ
тебя принуждаютъ къ тяжелой и трудной работѣ. Каково
твое положеніе? И безъ того измученный и обезсиленный
безъ пищи, ты въ конецъ изнемогаешь подъ бременемъ труда
и приходишь, наконецъ, до такого состоянія, что не въ си-
лахъ руки поднять, — не то, чтобы кончить заданную работу;
и тогда, не смотря ни на какія побужденія, ты бросаешь
свою работу. Не то-ли же самое должно чувствовать и го-
лодное животное, когда, не обращая нисколько вниманія на
голодъ его, безпощадно и безмилосердно требуютъ отъ него
труда и труда? Ты любишь свою скотину, такъ сперва на-
корми и напои ее, потомъ уже требуй отъ нея услуги и по-
мощи въ твоихъ житейскихъ и хозяйскихъ дѣлахъ. А же-
лаешь, чтобы она долго и вѣрно служила тебѣ, не обремен-
най ее непосильною тяжестью, но требуй работы подъ силу ей и въ
мѣру. Что, если-бы тебя заставляли сдвинуть съ мѣста и поставить
на другое то, не по твоимъ силамъ и, видя твое безсиліе мучили-
бы тебя, какъ-бы издѣваясь надъ твоею немощію? Каково бы бы-
ло тебѣ? Въ подобномъ положеніи находится и скотина, тебѣ

служаша, когда ты нагружаешь на нее тяжелый возъ и, видя, что она не можетъ его даже тронуть съ мѣста, не то отвезти, куда слѣдуетъ, не облегчаешь тяжести воза, а бьешь и терзаешь ее безъ милосердія, раздражаешься и ожесточаешься, и кажется, готовъ совсѣмъ уничтожить бѣдное и безпомощное созданіе. Правъ-ли ты предъ твоимъ животнымъ? И какъ смотрѣть послѣ сего на твои горькія слезы и жалобы на людей, несправедливо къ тебѣ относящихся, обижающихъ, преслѣдующихъ, разоряющихъ тебя? По чувству состраданія, жалко смотрѣть тогда на тебя безпомощнаго, силой придавленнаго и горемъ убитаго, и хочется пособить и помочь въ твоемъ горѣ и нуждѣ. И вдругъ прошло немного времени, какъ видишь тебя самаго разъяреннымъ и изливающимъ твою ярость надъ твоимъ покорнымъ слугою — безсловеснымъ животнымъ. Ты человѣкъ и Богъ одарилъ тебя словомъ: твои вопли и стоны обиды доходятъ до слуха собратій твоихъ, и подають они тебѣ руку помощи. Но кто пойметъ нѣмые стоны безсловеснаго животнаго? И гдѣ искать ему помощи и защиты? Не думай однако-же, другъ, что животное совсѣмъ уже безпомощно и беззащитно: и его стоны, хотя и нѣмые, доходятъ до неба. И животное имѣетъ у себя Творца и Промыслителя-Бога. Не на мученіе Господь создалъ животныхъ и всѣхъ тварей, но, вмѣстѣ съ служеніемъ человѣку, для покойной и довольной жизни. Ты обидѣлъ скотину свою; но Господь възвѣститъ ее своею милостію, а тебѣ не добро будетъ. Послушай слова Спасителя, ясно свидѣтельствующія о любви и промышленіи Творца о своихъ тваряхъ: взгляните, говоритъ Онъ, на птицъ небесныхъ: онѣ ни сѣютъ ни жнутъ, ни собирають въ житницы; и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ (Мѡ. 7, 26). Творецъ такъ милуетъ свою тварь и заботится о ней, а ты, человѣкъ, самъ-Божіе созданіе — и дерзаешь безжалостно обходиться съ животными. Правда, Господь предоставилъ тебѣ большую власть надъ природою; но не далъ тебѣ права издѣваться и разрушать ее, а заповѣдалъ любить и миловать природу.

Но, братія, жестокость ваша простирается не на однихъ только домашнихъ животныхъ, непосредственно служащихъ и безусловно подчиненныхъ вамъ. Сколько нѣкоторые изъ васъ уничтожаютъ лѣсныхъ животныхъ и птицъ по своей прихоти и притомъ въ такое время, когда особенно не слѣдовало-бы причинять имъ ни малѣйшаго вреда. Это время — весна. Многія изъ животныхъ и преимущественно птицъ наши гости: появляются они въ наши мѣста не на-долго, всего на нѣсколько теплыхъ мѣсяцевъ, а къ холодному времени опять оставляють наши края. Первымъ ихъ дѣломъ, по прибытіи къ намъ, бываетъ разведеніе и воспитаніе дѣтей. И что-же? Не успѣють, какъ говорится, и осмотрѣться въ нашихъ краяхъ эти гости, какъ мы сѣвшимъ истреблять ихъ. Какъ это безжалостно, съ одной стороны! А съ другой, истребляя животныхъ и птицъ въ весеннее время, сколько этимъ самымъ истребители губятъ юныхъ, еще неоперенныхъ дѣтенышей, — сколько крошечнымъ животнымъ, еще только выглянувшимъ на свѣтъ Божій и не могущимъ добывать себѣ пищи, прекращають жизнь! Какъ хотите, а это больше, чѣмъ жестоко поступаютъ люди. Нѣтъ слова, что самъ Господь позволилъ намъ пользоваться многими животными и птицами для пищи. Но на это есть свое время, именно, когда они выхлѣтъ дѣтей. Да и для самого человѣка-же

выгоднѣе пользоваться животными и птицами въ это время. Давая возможность животнымъ выкормить своихъ дѣтей, онъ сохраняетъ жизнь многимъ изъ нихъ и они могутъ служить ему, хотя для пищи, на большое время.

И законы гражданскіе строго преслѣдуютъ истребляющихъ животныхъ въ весеннее время. Существуютъ даже цѣлыя общества покровителей животныхъ, которыя всѣ мѣры употребляютъ, чтобы развить въ людяхъ больше любви и милосердія къ полезнымъ животнымъ и больше разводить ихъ, а не уничтожать безъ толку. Ты, человѣкъ, царь природы. Такъ царствуй-же разумно и справедливо, а не безумно и жестоко: тогда и царство твое будетъ въ порядкѣ и довольствѣ. А главное помни: чѣмъ больше ты будешь любить и лелѣять природу, чѣмъ милостивѣе станешь къ животнымъ, тѣмъ большими благами природы воспользуешься, тѣмъ большія услуги получишь и отъ животныхъ, и лучше, стало-быть, тебѣ жить будетъ на землѣ. Аминь.

Священникъ *Іоаннъ Полкановъ.*

— Въ „Санктпетербургскихъ Вѣд.“ напечатано: „Наши полонники, возвратившіеся въ послѣднее время изъ Палестины, принесли извѣстіе, что храмъ гроба Господня окончательно запертъ для поклонниковъ самими христіанами, изъ опасенія турецкихъ неистовствъ. Рассказываютъ, что недавно турки напали на Іерусалимскаго патріарха: когда его вели въ облаченіи, во время торжественной процессіи, и разѣкли на немъ одежды. Самъ патріархъ едва спасся отъ ихъ ярости“.

Содержаніе № 30.

ПРАВИТЕЛ. РАСПОРЯЖЕНІЯ. Объ открытіи въ Виленской женской гимназіи параллельныхъ отдѣленій. МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Утвержденіе въ должностяхъ церковныхъ старостъ. Увольненія. Назначеніе. Перемѣщеніе. МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Годичный актъ въ Жировицкомъ дух. училищѣ съ присовокупленіемъ разряднаго списка. Пожертвованіе. Вакансіи. НЕОФФИЦ. ОТДѢЛЪ. Очеркъ исторіи польскаго проповѣдничества до половины XVIII в. (окончаніе). Панихида по Н. А. Кирѣевѣ. Отъ С.-Петербургскаго отдѣла Славянскаго благотворительнаго комитета. Поученіе къ простому народу. Извѣстіе изъ Палестины.

Предыдущій № сданъ на почту 18-го Іюля.

Редакторъ, Протоіерей *Іоаннъ Котовичъ.*